

16.3.99.

Джанни АМЕЛИО:

Известия. — 1999. — 16 марта. — с. 7

Люблю все, чего не умею

Известный в России по фильму «Похититель детей» итальянский кинорежиссер Джанни АМЕЛИО, обладатель высшей награды Венецианского кинофестиваля «Золотой Лев» 1998 года, согласился ответить на вопросы нашей газеты.

— Расскажите о своем кинематографическом поколении.

— Не думаю, что имею право говорить от лица поколения. На долю моих сверстников выпали самые сложные годы: кинематограф на глазах стал сильно меняться под влиянием телевидения. ТВ резко увеличило число каналов и зрелищных передач, и народ покинул кинозалы. Сейчас публика стала возвращаться, и этот процесс связан с подъемом итальянского кино, новым, по сути, его возрождением. Тем не менее на экранах Италии до сих пор доминирует американское кино — около 90%. Наша страна, как и многие в Европе, вынуждена мириться с этой культурной колонизацией.

— Вы с юга Италии. Это как-нибудь повлияло на специфику вашего кино?

— Я родился в Калабрии после войны. Италия тогда страдала от нищеты, в особенности юг, откуда тогда многие уехали. Поэтому с экономической точки зрения юг и сейчас остается самым бедным районом страны. Север более развит и богат. Но все мы вышли из детства, и я чувствую свою связь с югом моей страны, а также со всем, что есть в мире слаборазвитого, бедного и эксплуатируемого. Это моя тема, я рассказываю о проблемах, которые сам пережил.

Я сделал только два фильма о буржуазной среде. В основном же рассказывал истории людей, кото-

рые терпели несправедливость, прожили трудную жизнь и должны были идти нелегким путем. Думаю, что фильм, который наилучшим образом меня представляет, — это «Ламерика». В нем параллельно рассказываются истории албанцев, эмигрирующих сегодня в Италию, и итальянцев, которые в 50-е годы эмигрировали в США.

— Поговорим о месте независимого кино в современной Италии — кино, сделанного за счет авторов.

— В Италии сейчас сложно делать различия между фильмом независимым и коммерческим. Потому что независимые фильмы почти исчезли. Сегодня фильм легко снять — государство дает деньги на производство. Но добиться нормального проката в кино невероятно трудно. Это происходит потому, что поменялась система кинопоказа, изменился способ смотреть фильмы, стал совершенно другим кинозритель.

Сегодня это очень молодой человек, почти всегда — слишком молодой. Все остальные смотрят фильмы по телевидению. Итальянское ТВ показывает очень много фильмов — в среднем не меньше пятидесяти в день. А в кинотеатр итальянскому фильму пробиться очень трудно — залы почти полностью оккупированы большими американскими картинами. Мы наконец-то стали независимыми — но, к сожалению, от публики. И это, увы, общая проблема для европейских стран.

— Что вы думаете о таком понятии, как традиция, в современном итальянском и русском кино?

— У России великая художественная традиция, особенно в литературе, — традиция, равной которой нет в мире. Думаю, даже сегодня большие русские романы прошлого века — Достоевский, Толстой — остаются явлениями формирующими, и знать их необходимо. С культурной точки зрения они больше всего повлияли на меня — и до сих пор влияют. И, конечно, не только на меня. Мое поколение и те, кто младше, и пожилые люди — все они делают совсем другое, отличное от неореализма кино. Я делаю реалистическое кино, однако оно часто использует метафору, учитывает опыт психоанализа. Сегодня фильм «Похитители велосипедов» был бы снят совершенно иначе.

— Я думаю, вам должны быть близки Вайда, Занусси — предшественники польского реалистического кино.

— В 60-е годы я был очень молод, ходил в школу, бегал в кино и впервые задумался о том, чтобы делать фильмы самому. Тогда в кино шла настоящая революция, особенно заметная во французском кинематографе. Я не думаю, что Годар, Трюффо, Шаброль или Ромер напрямую влияли на меня. Самым всепоглощающим фильмом, который я видел мальчиком, был фильм Алена Рене «Хиросима — моя любовь». Это были фильмы, которые открывали новые возможности кинематографического языка. В Италии уже было кино Феллини, кино Антониони.

— У вас есть предпочтения в современном русском кино?

— Есть один русский режиссер, которого я очень люблю. Это Виталий Каневский. А самый значительный фильм за последние 50 лет, по-моему, — «Андрей Рублев» Андрея Тарковского. Мы в Италии не знаем других ваших режиссеров. Известен только Никита Михалков, потому что он дважды работал в Италии.

— Вы преподаете в киношколе Centro Sperimentale в Риме. Что вы можете сказать о молодом итальянском кино?

— Существуют отдельные таланты, и ежегодно в Италии много молодых людей делают свой первый фильм. Им помогает правильность. Но первый фильм почти всегда проходит незамеченным из-за трудностей проката. И тогда возникает проблема — как получить вторую постановку. Вот пример: Джузеппе Гаудино был моим сотрудником и студентом в CS. Возможно, что это один из самых значительных молодых режиссеров. Но его фильм «Вращение луны между землей и морем» вышел в итальянских залах только через год после окончания, и его видели очень немногие. Так что сегодня Гаудино испытывает серьезные трудности с продолжением карьеры.

— На встрече со студентами ВГИКА вы говорили, что хотели бы быть похожим на Моцарта, а работаете, как Пуччини. Что вы имели в виду?

— Я люблю все то, что не есть я сам, то, что не умею. Люблю легкие фильмы, комедии — то, что я никогда не делал. Величие Моцарта — в его божественной легкости,

Итальянский кинорежиссер Джанни Амелио

он как бы воздушен, но воздействует удивительно мощно. Это качество очень редко в кино, им, например, владеет французский ре-

жиссер Эрик Ромер — по-моему, самый моцартианский режиссер в мире...

Татьяна ДАНИЛЬЯНЦ

Амелио Джанни